

9. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве [Текст] / В.А. Карташкин. — М. 1995. — 132 с.
10. Мотиль В.І. Гуманітарна інтервенція та міжнародне право: теорія і практика: монографія / Мотиль. — Львів : ЛНУ імені Івана Франка, 2011. — 302 с.
11. Шармазанашвили Г.В. Понятие самопомощи в международном праве / Г.В. Шармазанашвили / Советский ежегодник международного права 1959. — М. : Издательство АН СССР, 1960. — С. 300-310.
12. Лукашук И.И. Нормы международного права и международной нормативной системы / И. И. Лукашук. — М. : Спарк, 1997. — 322.
13. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность [Текст] / Р.А. Мюллерсон. — М. : Юрид. литература, 1991. — 156.

УДК 321.1

Казакбаев Медет Кубатбекович, соискатель,
ст. преподаватель Кыргызской государственной юридической
академии при Правительстве Кыргызской Республики

Некоторые вопросы возникновения и развития правового иммунитета

У цій статті автор вивчає окремі причини, які стали підставою для становлення та розвитку правового імунітету, також в роботі зроблені відповідні висновки та пропозиції щодо розглядаємої тематики.

Ключові слова: імунітет, правовий інститут імунітету, недоторканність.

В этой статье автор изучает отдельные причины, послужившие основанием для становления и развития правового иммунитета, также в работе сделаны соответствующие выводы и предложения по рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: иммунитет, правовой институт иммунитета, неприкосновенность.

In this article the author examines some of the reasons which have become the reason for the formation and development of legal immunity.

Keywords: immunity, the legal institution of immunity, immunity.

Актуальность темы. Поскольку на протяжении всего развития государственных институтов смысл и содержание понятия «правовой иммунитет» не оставались неизменными, необходимо проанализировать сущность понятия «иммунитет», проследить его эволюцию и определить, какой смысл в него вкладывали зарубежные и отечественные правоведы на различных этапах развития государственности.

Изложение основного материала. Юридическая наука, обращаясь к вопросам правовых иммунитетов, выработала ряд концепций, по-разному объясняющих происхождение и сущность этого явления (правового института).

Согласно специальным юридическим словарям термин «иммунитет» происходит от латинского «*immunitas*» и означает «освобождение», «избавление» [1]; «независимость», «неподверженность» [2]; «освобождение от чего-либо, льгота, свобода, освобожденность» [3].

Известно, что используемая в настоящее время юридическая терминология выработывалась юридической наукой и практикой на протяжении всей истории юриспруденции. Согласно формально-юридическим концепциям, этимология слова «иммунитет» свидетельствует, что этот правовой институт восходит к периоду античности, он был известен

уже в Римской империи, где под термином иммунитет понималось освобождение от экстренных податей и некоторых видов натуральных повинностей. Такими привилегиями наделялись: общественные группы (люди свободных профессий, коллеги ремесленников и торговцев); отдельные лица; население церковных земель и императорских имений.

В то же время, по мнению ряда ученых (Э. Аннерс, Г.Д. Берман), институт правового иммунитета возник в эпоху феодализма и является его специфическим признаком. В феодальном праве этот термин означал привилегию феодала[4]; освобождение от королевского суда населения принадлежащих вассалам (феодалам) земель с передачей соответствующих полномочий вассалам [5]; совокупность государственных прав и функций, которой располагал феодал в своем владении [6]. Сущность иммунитета в феодальном праве заключалась в том, что представители королевской власти не могли вступать в пределы владения, получившего иммунитетную грамоту, для отправления в них суда, администраторских обязанностей, взимания податей; все эти права переходили к владельцу земли (барону, монастырю), который как бы «заслонял» людей своей земли от представителей государственной власти. Например, в «Грамоте Короля Дагоберта I Ресбахскому Монастырю» (635г.) было закреплено, «...чтобы никакая государственная судебная власть, ни настоящая, ни последующая, не смела входить на земли монастыря, право владения которыми когда-либо проистекало (для него) или от нашей щедрости, или от пожалований... для слушания судебных дел или взыскания чего-либо...». В Грамоте Карла Великого Трирской церкви (772г) говорилось; «... никто из государственных должностных лиц не смеет входить в церковные поместья и в церкви, построенные внутри города, а также в монастыри, в деревни и крепости, принадлежащие церкви, и причинять там (какой-либо) ущерб, никто из них не должен вызывать церковных людей на судебные собрания и не смеет каким-либо злым умыслом осуждать их, также требовать с них уплаты судебных штрафов и пошлин...» [7].

Пожалования феодалам различных видов налоговых, судебных и иных привилегий были обусловлены политической раздробленностью в государстве, усилением светской и церковной элиты, наличием слабой централизованной власти, вынужденной признавать за феодалами те права, которыми они фактически пользовались.

Правовой институт иммунитета, представлявший собой в феодальном праве привилегию феодала, освобождение от королевского суда населения принадлежащих вассалам (феодалам) земель с передачей соответствующих полномочий вассалам, в конце XVII в. трансформируется в иное юридическое средство - становится инструментом, который освобождает от определенных обязанностей и юридической ответственности отдельных субъектов (дипломатов, консулов, депутатов) в целях выполнения социально полезных функций. Под иммунитетом стали понимать изъятие из-под действия отдельных общих законов лиц, выполняющих особые служебные обязанности в государстве (иностранных дипломатов), а также неподсудность иностранного государства судам другого государства.

Обозначить четко временные рамки появления того или иного вида иммунитетов достаточно сложно, что обусловлено, прежде всего, существованием значительного количества различных видов иммунитетов, а значит и различными основаниями их появления, а также отличиями в историческом развитии отдельных государств, в разное время проходящих те или иные этапы развития государственности. Следует также учитывать, что юридическая наука выработала значительное число теорий, объясняющих необходимость закрепления в законодательстве правовых иммунитетов.

Необходимость обеспечения членов парламента повышенной правовой защитой стала очевидной в период формирования первых парламентов и исторически была связана со стремлением к укреплению выборных законодательных органов, ограж-

дению их от всемогущей администрации исполнительной власти.

Институт парламентского иммунитета, как привилегия членов законодательных органов, в силу которой они безответственны за мнения, высказанные ими при отправлении депутатских обязанностей, а также не могут подвергаться уголовному преследованию без согласия законодательного органа, зародился в Англии еще в Средние века и утвердился в результате борьбы палаты общин (как представителя городского буржуазии и мелкого поместного землевладения) с самодержавными королями.

С начала XVI века преступления против членов парламента Великобритании признаются подсудными только самому парламенту. Как отмечает М.И. Левина, свобода от ареста основывалась на принципе, что человек, призванный королем заседать в парламенте, должен быть свободен, и исполнение им своих обязанностей не должно прерываться исками частных лиц.

В 1689 г. Билль о правах (юридически закрепивший результаты государственного переворота 1688 года - упрочение конституционной монархии и окончательный переход власти в руки парламента) в ст. 9 установил, что свобода речи, дебатов и всего того, что происходит в парламенте, не может быть стеснена и не может быть предметом рассмотрения ни одного суда вне самого парламента.

Тем самым Билль о правах закрепил такой элемент правового иммунитета, как неотвечественность, который, полагаем, является исторически первым элементом правового иммунитета парламентария, поскольку возможность и способность депутатов свободно выражать мнение различных социальных групп является неотъемлемым признаком парламента.

С учетом вышеизложенного, можно отметить одно, бесспорно, общее положение - то, что в качестве важнейшего признака парламента как представительного и законодательного органа называется его способность свободно выражать мнение тех или иных социальных групп, что в свою очередь свидетельствует о необходимости повышенной защиты парламентария, прежде всего при осуществлении им своих полномочий.

Уже к началу XX века, отмечает И.А. Кравец, конституционное право, как оно развилось сначала в Англии, а впоследствии в США и континентальной Европе, обеспечивало осуществление народным представительством его функций специфическими условиями, отличными от условий общего права, исторически развившимися на почве английского парламентарного строя и представительного правления. Конституционное право гарантировало члену такого представительства повышенную неприкосновенность, парламентарский иммунитет; не допускало возбуждения против него судебного преследования иначе, как с согласия палаты парламента, членом которой он являлся; предусматривало гарантии особой свободы слова в стенах парламента, а также устанавливало для предвыборных собраний большую свободу, чем для обыкновенных.

В литературе отмечается, что подобные специфические условия, как отличающиеся от обычного права страны, первоначально рассматривались конституционным правом как привилегии, то есть как субъективные публичные права. Постепенно, считает И.А. Кравец, особые правовые условия деятельности депутатов стали наполняться иным смыслом: отдельные государствоведы стали рассматривать их как условия, позволяющие выполнять определенную социальную функцию.

Подобное изменение взглядов на правовой иммунитет членов парламента можно объяснить тем фактом, что постепенно исчезает необходимость защиты парламентариев от репрессивных мер со стороны сильной королевской власти и судебных исков, что можно было наблюдать в период формирования первых парламентов (например, в 1789 году принцип парламентарского иммунитета был провозглашен

французским Учредительным собранием именно из-за опасений репрессий). Очевидно, что сегодня необходимость и целесообразность существования парламентского иммунитета не может быть выяснена, исходя только из необходимости защиты депутатов от репрессий со стороны исполнительной власти, поскольку такие основания отпали и представляют собой факт истории.

Можно сделать вывод, что возникновение такого правового института как депутатский иммунитет исторически было связано с появлением представительных учреждений (в современном смысле этого слова), а также с реализацией идеи разделения властей в политико-правовой практике развития и становления конституционализма.

Эти же условия, в принципе, могут быть положены в обоснование причин возникновения иммунитета главы государства.

Институт правового иммунитета любого вида связан с проблемами возможного привлечения к ответственности того или иного носителя иммунитета. Вопросы ответственности главы государства, прежде всего при монархической форме правления, получили достаточное освещение в историко-правовой литературе, анализ которой позволяет выделить определенные этапы развития государственности, характеризующиеся различной степенью допустимости привлечения к ответственности монарха. Следует, однако, отметить, что выделение этих этапов является в определенной степени условным, схематичным, что обусловлено значительными различиями конкретно-исторических условий развития отдельных государств.

Необходимо отметить, что в период абсолютной монархии, которая характеризуется принадлежностью верховной власти (законодательной, исполнительной, судебной) в полном объеме монарху, и отсутствием органа, юридически ограничивающего это полномочие, говорить об ответственности монарха, равно как и о необходимости института правового иммунитета, служащего гарантией обоснованного привлечения монарха к ответственности, не приходится. Безответственность (неответственность) монарха являлась принципом, вытекавшим из самого существа государственного строя, поскольку сама возможность постановки вопроса об ответственности монарха уже является свидетельством ограниченного характера его власти, а в абсолютной монархии правитель был теоретически ограничен только правом Божественным и исходящим из него естественным правом.

Однако, как отмечает А. Лавнисчак, в этот период в позитивном праве не было ни процедур привлечения властителя к ответственности, ни органов, которые могли бы оценивать деяния монарха. Соответственно не было и необходимости указывать в законодательстве на такие особые права монарха как неприкосновенность и неответственность.

Основываясь на этих постулатах, для обоснования возможной ответственности монарха юриспруденция вырабатывает теорию самоограничения самодержца, согласно которой воля монарха связывалась и обязывалась теми законодательными актами, которые он сам издавал. Появление этой теории свидетельствовало, с одной стороны, о нарождающейся потребности ограничения бившей до того абсолютной власти монарха, а с другой стороны о том, что момент создания прочных юридических ограничений еще не настал, и они заменяются ограничениями нравственными.

Завершая анализ исторического опыта развития института правового иммунитета высших государственных лиц, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, правовые иммунитеты - историческое явление, возникшее в эпоху феодализма, связанное с крупным землевладением и трансформирующееся в инструмент, освобождающий от отдельных обязанностей и юридической ответственности тех или иных субъектов (дипломатов, консулов, депутатов) в целях выполнения ими соответствующих социально полезных функций.

Во-вторых, значительные отличия в процессе прохождения государствами тех или иных этапов развития государственности, не позволяют определить четкие временные рамки возникновения того или иного вида правовых иммунитетов. Это свидетельствует о необходимости вести речь не столько об исторических этапах, сколько о политико-правовых условиях, в которых возникает необходимость повышенной защиты отдельных лиц с помощью правового иммунитета.

Выводы. Итак, такими условиями для возникновения внутригосударственных иммунитетов становятся развитие и отражение в законодательстве идей конституционализма и реализация принципа разделения властей в практике государственного строительства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Советский энциклопедический словарь. - Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1989. - С. 490.
2. Николаев А. Дипломатические привилегии и иммунитеты // Международная жизнь. - 1983. №8, - С. 152.
3. Конституционное право: Словарь / Отв. ред. В.В. Маклаков. - М., 2001. - С. 180.
4. Советский энциклопедический словарь. - С. 490.
5. См.: Аннерс Э. История европейского права. - М., 1994; Берман Г.Д. Западная традиция права: Эпоха формирования. - М., 1994.
6. Малько А.В. Правовые иммунитеты // Правоведение. - 2000. - № 6. - С. 11.
7. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: Учебное пособие / Сост. В.Н. Садиков; под ред. З.М. Черниговского - М., 1996. - С. 81.

UDC 332.1

Sayakova Maria Kasymbaevna,
Director of Science Centre The Institute of
Modern Informatinal Technologies in Education

Drug Situation among Women in Kyrgyzstan: Trends, Problems and Responses

У статті розкриваються сучасні тенденції і проблеми, пов'язані з алкогольною та наркотичною залежністю жінок в Киргизстані, також зроблені відповідні висновки та пропозиції, щодо розглядаємої проблематики.

Ключові слова: алкогольна залежність, наркотична залежність, споживачі ін'єкційних наркотиків, споживачі опіатів, споживачі канабісу.

В статье раскрываются современные тенденции и проблемы, связанные с алкогольной и наркотической зависимостью женщин в Кыргызстане, также сделаны соответствующие выводы и предложения по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: алкогольная зависимость, наркотическая зависимость, потребители инъекционных наркотиков, потребители опиатов, потребители каннабиса.

In article the current modern trends and problems of alcohol and drug addiction among women in Kyrgyzstan.

Key words: alcohol addiction, drug addiction, intravenous drug users (IDUs), opiate users, cannabis users.

Background: The Kyrgyz Republic is a sovereign independent state located in the Central Asia, mostly in the western and central part of Tien Shan and in the northern part of Pamir. Its territory is equal to 199.9 sq. km. Kyrgyzstan is bordered by Kazakhstan to the north, Uzbekistan to the west, Tajikistan to the southwest and China to the east.